

INSPIRIA

«ТОНКОЕ, ГЛУБОКОЕ И ТРОГАТЕЛЬНОЕ РАЗМЫШЛЕНИЕ
О ДРУЖБЕ, СЕМЬЕ И ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ».

ЭМИЛИ СЕНТ-ДЖОН МАНДЕЛ

An illustration of a woman with dark hair, wearing a white cardigan with blue floral patterns over a yellow top and a blue skirt. She is holding a black suitcase in her right hand and a light blue vase with green leaves and small brown flowers in her left hand. The background is a solid orange color.

КАК МЭЙ
ХОЛИМА В
ГОСТИ

ДЖЕССИКА ФРЭНСИС КЕЙН

INSPIRIA

Novel. Живые, смешные, неловкие люди

Джессика Фрэнсис Кейн Кейн

Как Мэй ходила в гости

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кейн Д.

Как Мэй ходила в гости / Д. Кейн — «Эксмо», 2019 — (Novel. Живые, смешные, неловкие люди)

ISBN 978-5-04-168695-6

НОВИНКА. ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ. Идеально для любителей романов Фредрика Бакмана, Элизабет Берг и Мэтта Хейга. Тонкое, глубокое и трогательное размышление о дружбе. Эта остроумная история повествует о сорокалетней Аманде Эттавей, любительнице покопаться в университетском саду. Однажды Аманда задумалась: лучший друг — это... Чтобы ответить на этот вопрос, Мэй отправляется в путешествие по домам подруг. До чего же интересно узнать, как сложились их жизни и какие цветы растут возле их домов. Такого рассуждения о дружбе вы точно еще не видели. Не зря «Как Мэй ходила в гости» входит в списки лучших книг года по версии Wall Street Journal, Chicago Tribune и Good Morning America. «Тонкое, глубокое и трогательное размышление о дружбе, семье и жизни на земле». — Эмили Сент-Джон Мандел, автор романа «Станция Одиннадцать» Аманде Эттавей сорок, и ей проще общаться с растениями, чем с людьми. За долгие годы она окончательно замкнулась в себе, предпочитая наслаждаться красотой родного языка и работой в университетском саду. Неожиданно Мэй награждают отпуском, и она хочет восстановить отношения с когда-то близкими подругами. Понимая, что собраться всем вместе сложно, Мэй решает навестить каждую из них по отдельности. Истинный знаток классической литературы, Мэй рассматривает свое путешествие как женскую Одиссею. Каким бы стал мир, если бы Пенелопа, вместо того, чтобы ждать Одиссея, сама отправилась в путешествие? Постепенно Мэй понимает, что мороженое в компании друга может перевернуть сознание, подарочная открытка – разбудить давно забытые чувства, а настоящий друг - тот, кто знает историю твоей жизни. «Совершенно новый взгляд на дружбу. В описании красоты и одиночества Джессике Фрэнсис Кейн нет равных». — Эмма Страуб, автор романа «Здесь все взрослые» «Искрит остроумием». —

The New York Times «Это роман о том, что ограниченная жизнь, связанная корнями, может расцвести». — Мадлен Миллер, автор романа «Цирцея»

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-168695-6

© Кейн Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Отбытие	7
Часть I	10
На перепутье	10
Дак Вудс	14
«Эль Пуэрто»	17
«Таурус»	19
Ясень	21
Тис	22
Поездки	25
Уроки вождения	26
Липа войлочная	28
Последняя кислая вечеринка с виски[21]	29
Аварии	32
Награды	34
Дневная прогулка	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Джессика Фрэнсис Кейн

Как Мэй ходила в гости

Посвящается Рашель, Ребекке, Лоре, Хейди и Шарон – моим реальным «двухнедельничным» подругам

Итак, я навещала по очереди своих друзей, пытаюсь открыть неуверенными движениями пальцев их драгоценные, запертые на ключ вместилища. Я переезжала от одного к другому, привозя с собою на их суд свою скорбь – нет, даже не скорбь, пожалуй, а непостижимую природу нашего существования. Кто-то ходит к священнику, другой обращается к поэзии, а я – к своим друзьям...

Вирджиния Вулф, «Волны»

Jessica Francis Kane
Rules for Visiting

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2019 by Jessica Francis Kane

All rights reserved

© Чулкова С., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2022

Отбытие

Вот вам дилемма: вы стоите на движущейся дорожке в аэропорту, а мимо в другую сторону проплывает женщина с матерчатой сумкой из книжного магазина, и вы вдруг видите на ней часть фразы, ставшей предметом ваших многомесячных размышлений. Так сколько времени уйдет на то, чтобы додумать эту фразу до конца? У вас нет полетных миль, зато имеется в запасе много дней оплачиваемого отпуска, и вот вы катите за собой чемодан по имени Грендель.

Лучший друг – это...

Сумка была синяя, а шрифт – белым. Я предположила, что фраза заканчивается на другой стороне сумки, прижатой к пышным бедрам хозяйки, и мне было важно ее прочитать. Я летела к своей подруге Линди, с которой мы не виделись несколько лет. И уж коль у меня есть близкий друг, но я в этом не уверена, – значит, надо повидаться.

Я могла бы сказать сейчас, как развернулась и побежала по движущейся дорожке в обратную сторону, чтобы сравняться с той женщиной и дочитать фразу, но это сильно смахивало бы на кино. То есть я хочу сказать, что в кино подобные ситуации развиваются, а в жизни – нет.

Дорожка заканчивалась, я оглянулась, чуть не упав и не сбив с ног мамашу с ребенком в прогулочной коляске. Я извинилась, она прикрыла меня (надеюсь, ребенок ее был глухим) матом, и я откатила чемодан в сторону от людского потока.

Пахло кофе, духами и немного хлоркой. Атмосфера аэропорта была почти летней, что контрастировало с серым декабрьским небом, заглядывающим сквозь стеклянный потолок. Хозяйка матерчатой сумки была крепко сбитой, в легинсах и свитере с рождественским орнаментом, и она быстро удалялась прочь. В одной руке у нее был сотовый, по которому она разговаривала, в другой – кофе, и ее немного заносило в сторону, потому что сумка все время соскальзывала с плеча. Мне почти сорок, я в хорошей форме благодаря профессии садовника, и мне бы ничего не стоило догнать ее.

Но мне было бы трудно объяснить той женщине, почему мне так важно прочитать продолжение фразы. А что, если это какая-нибудь рекламная чушь? Вроде «Лучший друг – это... тот, кто подарит тебе секатор фирмы *Gardenite*».

Или «Лучший друг – это... тот, кто сделал себе прививку от гриппа».

Пока я раздумывала над другими, еще более дурацкими вариантами, передо мною возникла маленькая девочка с высокими хвостиками в красных бантах.

– Простите, пожалуйста, – сказала она очень серьезно. Большинство взрослых детям улыбается, что вовсе необязательно. Дети ценят серьезное к себе отношение.

– Слушаю тебя, – сказала я.

– Простите, пожалуйста, – повторила она.

– Ну, говори, – подбодрила я.

Но она обернулась на женщину, стоящую в очереди в комнату матери и ребенка. Женщина пыталась утихомирить младенца, брыкающегося в надетой спереди кенгурушке: она нахмурилась и махнула рукой, словно настаивая на чем-то.

Девочка снова повернулась ко мне:

– Пожалуйста, я хочу пить.

Я взглянула через плечо и отодвинулась в сторону, освобождая путь к питьевому фонтанчику, а женщина с матерчатой сумкой уже исчезла.

Мне несвойственно гоняться за истинами, начертанными на чужих сумках, но у меня и весь год был не совсем чтобы обычным.

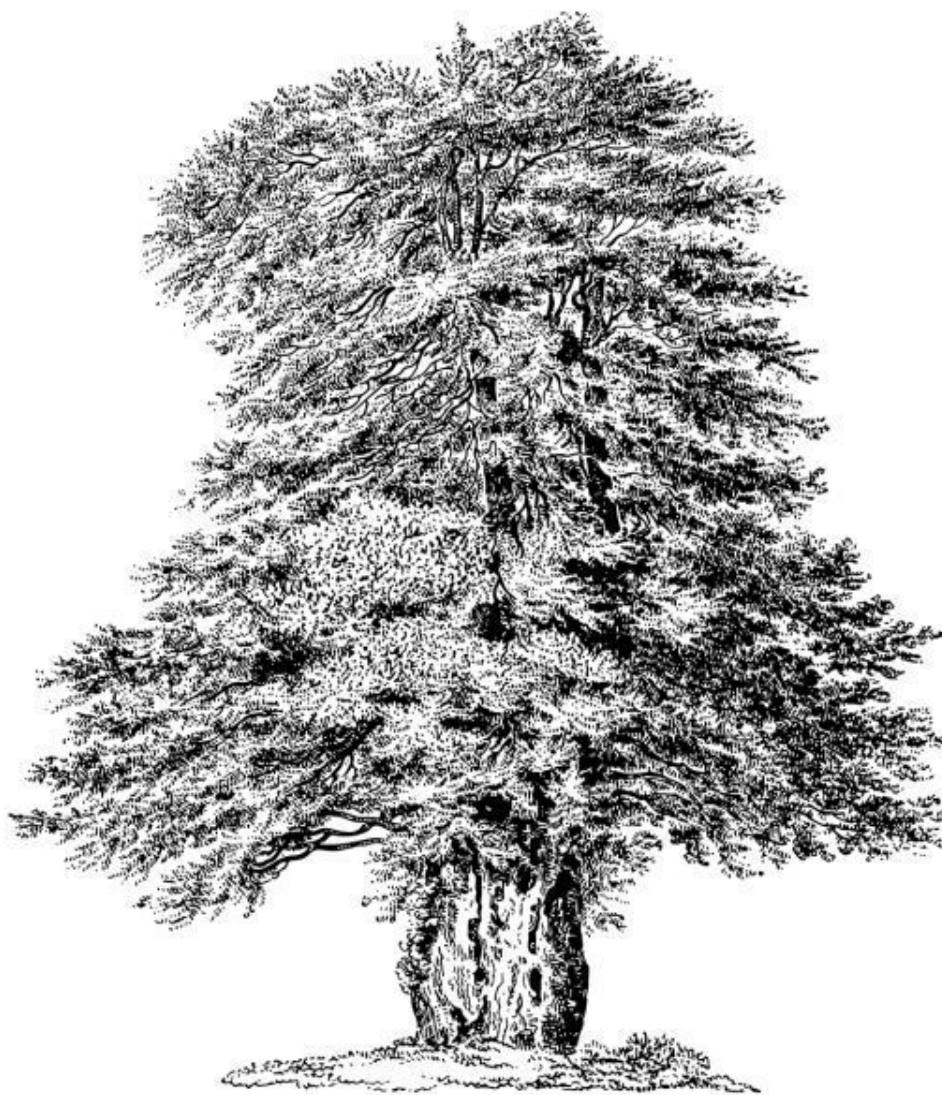
Вот вам несколько переменных. Рассмотрим слово *visit*. Оно происходит от старофранцузского *visiter*, что означает «причинять, проверять». То есть ты можешь *visit* своего соседа или друга, но то же самое делают моровая язва или чума.

Или *travel*. Это от староанглийского *travailen*, что изначально подразумевало «работать, мучить».

То есть путешествие с целью навестить друзей не стоит воспринимать так уж буквально. И я не просто так назвала свой чемодан в честь первого описанного в английской литературе чудовища. В «Беовульфе»¹ это чудовище приходит с вересковых пустошей к дому Хеороту, желая послушать звуки дружеского пиршества. Стоит ли говорить, что я немного представляю его чувства? Я, конечно, вряд ли кого-то съем, но ведь трансформации не всегда связаны с физическим насилием или превращением.

О Муза, я славу пою женщине и гостеванию.

¹ «Беовульф» – англосаксонская эпическая поэма. (Здесь и далее прим. перев.)

Тисовое дерево (*Taxus baccata*)

Часть I

На перепутье

На сороковом году жизни я оказалась в положении, когда прошлое и все, что в нем есть, начало перевешивать будущее, и в моем мозгу роилось столько всего сказанного и несказанного, совершенного и несовершенного, что я уже просто не знала, как жить дальше. Меня отбрасывало назад, лишая почвы под ногами, и я понимала, отчего все это. Жизнь казалась столь длинной, что было трудно представить, как другие не ломаются под таким грузом.

Лекарства помогли, но ненадолго. Помню только, что на несколько месяцев получила приятное чувство настоящего. В этот период я побывала в Вашингтоне на конференции по ландшафту и с благодарностью вспоминаю неожиданную легкость по утрам. Очертания реальности перестали расплываться. Прекрасны были не только деревья, восход солнца или цветение декоративной капусты (род *Brassica*), посаженной по всему городу, но даже тюбик зубной пасты и баночки с кремами для лица. Мне легко давалось и даже доставляло удовольствие утреннее умывание. Я снова поверила в возможность начать новый день, чтобы жить сегодня и чтобы наступило завтра.

Факты моей жизни прояснились, и я была способна думать о них с новой долей решительности. Нет, не для того, чтобы исправить их – то было ровное, спокойное осознание, что дела обстоят именно так и что их вовсе не следует воспринимать как катастрофу.

У меня нет никаких хобби или желания ими обзаводиться.

Я много читаю, не всегда самые лучшие книги, частенько говорю, будто люблю биографическую литературу, хотя на деле редко дохожу до конца – приближение чьей-то смерти слишком давит на меня.

Я не очень-то хорошо готовлю.

Я не умею петь и больше не играю ни на каких музыкальных инструментах.

Животные со мной терпеливы, но не тянутся ко мне.

То же самое можно сказать и о детях.

Я не умею рисовать, не владею иностранными языками.

У меня есть кошка Хестер, которая несомненно одинока.

Я мало путешествовала, что особенно огорчительно, поскольку моя фамилия Эттавей – староанглийская и означает «у дороги» – то есть раньше она принадлежала кому-то жившему у дороги. Давным-давно на туманных вересковых пустошах началось сочинение имен. Люди осмотрелись, увидели ясень (Эш) или целую рощицу из таковых (Эшворт), приспособив под себя такие же фамилии. А другие сделали акцент на своем ремесле (Смит, Поттер, Мейсон²) или на городе, возле которого они жили (Уоллз³). Зато моя предшественница вдохновилась дорогой, способом передвижения и путешествий. Может статься, что она стояла возле дороги точно так же, как и я стою порой на мосту над железной дорогой, что возле моего дома в Анневиле, – стояла и смотрела на юг, а потом на север, размышляя, в какую сторону лучше отправиться.

Я работаю садовником при университете, хоть это и не совпадает с моими изначальными планами. Первыми растениями, за которыми я ухаживала в детстве, были африканские фиалки на моем подоконнике – они очень страдали, а потом умерли. Их бархатные листья не перено-

² Смит от *англ.* smith (кузнец), Поттер от *англ.* potter (горшечник), Мейсон от *англ.* mason (каменщик).

³ Уоллз от *англ.* walls (стены).

сили воду, а я безжалостно их поливала. Потом была красная герань: она продержалась сколько смогла (около двух недель) – в тени, на книжной полке. Не помню, кто мне дал эти растения и почему я была так вопиюще невнимательна к ним, хотя, например, старательно ухаживала за своей комнатой. Помню, что, когда мои подопечные умирали, я относила их в компостную кучу за гаражом, и каждый такой печальный ритуал все больше убеждал меня в том, что я не дружу с растениями.

В общежитии колледжа у меня было несколько пыльных растений, и во время моего недолгого проживания в Нью-Йорке тоже, но в студии было слишком мало солнечного света, чтобы поддерживать в них жизнь, как бы я ни старалась. А по возвращении в Анневиль во мне что-то поменялось. Я вдруг захотела сразу целый сад. Через несколько лет кто-то объяснил мне, что слова *guardian* и *garden*⁴ имеют общий корень, означающий «безопасность, укрытие». В каком-то смысле я вернулась домой, чтобы ухаживать за мамой. И тогда я начала читать книги по садоводству, рисовала планы. Я была преисполнена энтузиазма и оптимизма и хотя махнула рукой на другие стороны своей жизни (например, на поиски работы или квартиры), считала, что наградой будут охапки цветов, которые принесут нам всем облегчение.

Это не сработало, но интерес остался, и я подала документы в университет на специальность ландшафтная архитектура. Ландшафтные архитекторы создают приятное природное окружение, чтобы люди радовались. Предметом радости может быть задний двор, парк, кампус или детская площадка, общественная дорога, шоссе или парковка. Нас научили тщательно анализировать место для посадок и создавать дизайн, который бы гармонировал со всем окружающим. Через два года я устроилась в команду садовников при университете. Оказалось, что меня больше интересует работа с растениями как таковыми, нежели само оформление пространства.

Мое место меня устраивает. Мне нравится Сьюзан Минт, иногда, если нужно разбить клумбы по всему кампусу, к нашей работе присоединяется наш босс Блейк О’Делл. Сью старше меня лет на десять: она гордится, что никогда не работала в закрытом помещении. «Я взялась за грабли еще в детстве, и это был приработок к моему пособию, – рассказывала она. – Ни разу об этом не пожалела».

Целыми днями мы говорим только о нашей работе, но иногда Сью прорывает на большее. То есть этим я хочу сказать, что не знаю, друзья мы или нет, но добрые коллеги точно. Мне нравится ее чувство юмора. Однажды, обсуждая одну нашу знакомую (она тоже садовый архитектор), Сью заметила: «Она любит передизайнить. Господи, и все это с таким серьезным лицом».

А сейчас Сью говорит мне:

– Мне ночью странный сон приснился.

Мы сгребаем листву возле здания факультета английского языка, чтобы не пробились еще слабые по весне сорняки.

– Будто бы у меня собственная компания, и моя знакомая просит, чтобы я привела в порядок ее сад.

Сью расправляет спину, давая себе отдых.

– Она просит поменять русло речки – чтобы та протекала через ее гостиную.

Я перестаю грести.

– Что?

– Да-да, понимаю. Поначалу я тоже побоялась все повредить. Ты права. Но чем больше я об этом думала, тем более разумной казалась идея.

Я стояла, ожидая продолжения рассказа.

⁴ Guardian (англ.) – хранитель, garden – сад.

– Ведь русла рек нужно охранять, так? Так почему бы не перенаправить их к себе в дом, взяв под защиту? Во всяком случае, во сне эта мысль показалась мне вполне логичной. И я выкопала извилистое новое русло, обложив его голубоватым песчаником. Получилось красиво, а потом все узнали о моем проекте и забросали просьбами.

– Кошмар какой.

Сью молча кивнула. От многолетней работы в саду руки у нее сильные, а кожа на них, выше линии садовых перчаток и до рукавов черной футболки – заметно темнее.

– И какое было название у твоей компании во сне? – спросила я.

– Не знаю. Вроде его не имелось.

Я не нашлась что сказать, а у Сью было такое выражение лица, словно она пожалела о рассказанном сне. И мы продолжили сгребать листву.

Идея посетить друзей возникла у меня весной, после прочтения в газете материала, посвященного годовщине памяти Эмбер Дуайт. Пятнадцать лет назад, в марте, в горах Северной Каролины разбился самолет, на котором летела Эмбер со своими родителями. У ее отца была лицензия на управление небольшим самолетом, и он возил ее по стране, чтобы она могла продвигать свою первую в жизни книгу. Никто из семьи не выжил.

По Эмбер горевали во всех уголках страны. Известный онлайн-журнал создал страничку, где люди оставляли свои воспоминания о ней. Заметьте – это было еще до создания «Фейсбука» и «Твиттера», и на странице можно было постить только тексты. В течение нескольких месяцев страница пополнялась новыми прекрасными историями про Эмбер без возможности комментировать. Эта страничка существует и по сей день, и можно прочитать все, что там написано, безо всякой какофонии мнений. Во всем этом есть некое тихое изящество и камерность, которых так не хватает современному интернету.

Большинство ее друзей были писателями, кто-то более известный, кто-то менее, и все тексты получились хорошими. По ним я поняла, что Эмбер была необыкновенным человеком. Люди пишут о ее благородстве, надежности, веселом характере и любви к приключениям. Эмбер хорошо разбиралась во многих вещах, начиная от запчастей для подержанных машин и заканчивая рецептами шоколадных пирожных. Она была упрямой и категоричной, но все отмечают, что ее точка зрения базировалась на хорошей информированности и вдумчивости, что только шло на пользу для решения той или иной проблемы. Каждый отмечает тот факт, что знакомство с Эмбер меняло их жизни и что забыть ее невозможно.

На страничке есть ее фото, и мне кажется, что она сама себя сфотографировала. Эмбер смотрит прямо на тебя, слегка наклонив голову, на губах играет полуулыбка. Создается полное впечатление, что она умела выслушивать других людей.

Эмбер была костром, вокруг которого собирался народ. Все тянулись к ней, и эти люди, возможно, также помогли друг другу изменить свои жизни. Эмбер создавала поле для новых возможностей.

– Хелен.

Прочитав сайт от начала до конца, я стала его перечитывать. Восхищение смешивалось с горечью осознания, что сама я не была знакома с Эмбер. Мы росли в разных штатах, но из некоторых воспоминаний я поняла, что обе мы оказались в Нью-Йорке в один и тот же год, в один и тот же месяц. Пока я питалась лапшой быстрого приготовления и гуляла в Центральном парке, она закатывала званые вечера – но не потому, что была богатой, а потому, что завораживала собой людей. Впрочем, она не просто завораживала, но и была добрым и деятельным человеком.

Я живу в доме десять лет и до сих пор не знаю, как зовут мою соседку. А вот Эмбер знала всех своих соседей, и с каждым ее объединяла какая-нибудь

милая история. Например, ей понадобилась оранжевая краска для гостиной, а сосед внизу оказался дизайнером по интерьерам. А кто-то живущий выше научил ее шить. Я пробовала подражать Эмбер и как-то испекла банановый хлеб, а на Рождество одаривала соседей пуансеттиями⁵. Но такого эффекта не получилось. Только Эмбер умела так легко задружиться.

– Клэр.

Эмбер играючи налаживала мосты с людьми, красила свою комнату в веселые цвета, пока я стирала свои вещи в прачечной. Оно и неудивительно, ведь я сама что-то упустила в этой жизни и всегда знала, что у других больше друзей, чем у меня. Эмбер была уникальным другом для многих, и я хотела бы оказаться втянутой в ее орбиту, пусть даже потом и пришлось бы разделить общую боль, связанную с ее потерей.

Читая текст за текстом, я понимала, что Эмбер обладала особым талантом дружить – и вдруг я поняла, что это дается свыше, как талант певца или хорошей стряпухи. Нужно уметь дружить, а я определенно не умела. Друзья у меня были, конечно, но чтобы целое сообщество... Нет конечно. Возможно ли представить, как вся наша могучая кучка сорганизовалась и сняла дом на берегу моря, где предалась бы необузданному и в то же время душевному веселью? Да нет, нереально. Большинство моих друзей не знают друг друга, но даже если бы и так, никто не стал бы воспринимать меня как центр притяжения.

Читая все эти рассказы, я попыталась представить, написала бы я нечто подобное про собственных друзей. Или они про меня. Я подумала о своей самой старой подруге Линди – мы знакомы с седьмого класса. Мы вместе гоняли в сокер, играли в школьном оркестре, а однажды поспорили в *Dairy Queen*⁶, что полезнее – шоколадный соус или клубничный. Мы поступили в разные университеты, я вернулась в родной город, а Линди нет. Иногда мы видимся, когда она приезжает с детьми к своим родителям, а так мы мало общаемся. Линди – добрая, творческая натура, и если вдруг завтра я решу ей позвонить, она наверняка обрадуется. Я считаю ее другом в основном благодаря нашему общему прошлому, но знаю ли я ее на самом деле? Мы действительно друзья или просто два человека, чьи пути пересеклись в детстве – а это то самое время, когда легко задружиться.

Эмбер я знала всего один день. Пиарщики объединили нашу встречу с читателями, и мы успели попить вместе кофе. После школы у меня было не так много друзей, но вот Эмбер мне сразу понравилась. Возникло чувство, что мы подружимся. Надеюсь, что у нее тоже. Сердце разрывается от мысли, что этому не бывать.

– Элизабет.

⁵ Растение, также известное как молочай красивейший.

⁶ Dairy Queen – сеть ресторанов мороженого.

Дак Вудс

Я живу вместе со своим отцом, его зовут Эрл Эттавей. Ему восемьдесят, и я старший ребенок в семье. Несколько лет назад он потерял своего сына, то есть моего младшего брата. Потерял в том смысле, что тот уехал жить на западное побережье. Потерял – это мы так излагаем свои мысли, имея в виду, что брат не приезжает сюда. Эттавеи вообще – кладезь всяких эвфемизмов.

Отец построил наш дом на Тодд-лейн, когда ему было сорок, в год моего рождения, и это его единственный продукт физического труда, потому что отец живет сугубо интеллектуальной жизнью. Пока дом строился, родители жили в небольшом бунгало, которое теперь принадлежит нашим соседям Фордам. Их дом мне больше нравится, но отец отгрохал двухэтажный особняк в колониальном стиле, потому что, будучи молодоженами, мои родители восхищались такими постройками, и отец решил. Ученый вдруг захотел заняться кирпичной кладкой, поработать руками. И по сей день наш дом – самый большой в районе, который постепенно начинает становиться светским. Дома, долгие годы находившиеся в благородном упадке, стали красить в исторически правильные цвета. Придомовые территории, прежде не знавшие ничего, кроме тележных газонокосилок, теперь профессионально засажены всякими растениями, а дорожки посыпаны гравием.

Как садовод я должна бы радоваться, что люди заботятся о своей земле, но ведь они просто нанимают ландшафтных архитекторов. Заботиться о земле и ничего не делать самому – все равно что есть, не открывая рта. Большинство соседей просто хотят, чтобы их владения имели привлекательный вид. Им подавай идеальную траву, юбочки из мульчи вокруг деревьев, клумбы с красивыми цветами интересной текстуры, и чтобы за всем этим было легко ухаживать. Поэтому почти всегда дело ограничивается четырьмя-пятью вечнозелеными кустами (как правило, из рода *Juniperus* или *Thuja*), немного азалий и гортензий, возможно барбарис, декоративная трава – и все это высажено в монотонных пропорциях. Мой босс Блейк О’Делл называет такой подход ДЛ – для ленивых. На днях я проходила мимо одного дома, где садовник обрехал сучья и включил в дизайн густого красного цвета лилейник (*Heemerocallis*). Идея хорошая, но я сразу подумала: все это окончится ничем, когда хозяева поймут, что для аккуратного вида отцветшие цветы нужно обрывать.

Наш район называется Дак Вудс, хотя рядом нет ни уток, ни леса⁷. Дак Вудс имеет треугольную форму, гранича с железной дорогой, скоростным шоссе (под этим я подразумеваю, что при разрешенной скорости пятьдесят шесть километров все несутся со скоростью восемьдесят) и рекой. Папа говорит, что Дак Вудс всегда так назывался – в честь одной старинной семьи. Должно быть, так оно и есть. Университет от нас в трех километрах, и наша местность достаточно сельская, чтобы выращивать кур, но слишком городская, чтобы жечь костры. Достаточно городская, потому что у нас есть тротуары, и недостаточно городская, потому что здесь нет ни многоквартирных, не даже двухквартирных домов. Достаточно сельская, чтобы держать кошку, но недостаточно городская, чтобы тут появилась ассоциация домовладельцев со своими нормативами.

Отец знает всех на Тодд-лейн, часто оставляет цветы на ступеньках соседей, принимая в ответ благодарственные открытки. Вместо ваз он использует молочные пакеты, которые забывает из баков в центре по переработке. Он отрезает верхушки, наливает воду, ставит туда цветы из нашего придушенного сорняками сада и несет их, разбрызгивая воду на свои бежевые штаны и тенниски. Как-то я спросила, почему бы не взять баночки из-под варенья или даже что-то

⁷ Duck (англ.) – утка, wood (англ.) – дерево, древесина.

поменьше, а он сказал: «Мэй, если б у тебя были дети, ты бы знала, что ни одному родителю не понравится иметь на ступеньках что-то стеклянное. Ребенок может наступить и пораниться».

А я знаю нашу улицу по-другому. Знаю, например, что фургончик *UPS*⁸ проезжает из одного конца в другой за полчаса, потому что на Тодд-лейн живет много людей «покупательного возраста» – молодые пары с детьми или молодые пары с детьми на подходе. Коробки варьируются от *Pottery Barn*⁹ до *Walmart*¹⁰, но внутри все равно все одинаковое.

Дак Вудс – прекрасное место для изучения камерных пространств размером с пол-акра¹¹, общение между которыми не ограничивается простым обменом шутками или одалживанием ингредиентов для выпечки. Один дом чрезмерно украшают на Хэллоуин, другой – на Рождество. Кто-то держит кур, а кто-то слишком надолго выпускает свою собаку. На той стороне, в третьем доме от железной дороги, хозяйка выделила часть земли беженцу, чтобы тот выращивал урожай для своей семьи. А еще через три дома женщина бьется над образцовым садом, отчаянно пытаясь спрятать телефонный столб в центре заднего двора. Он оказался там, когда хотели построить, но не построили сквозную дорогу, и торчит между высаженными по кругу деревьями тиса среднего (*Taxus x media «Hicksii»*), который никогда не вырастает выше трех метров и способен скрыть телефонный столб разве что от ежика. Еще через четыре дома от нее живет семья, которая постепенно превращает свою землю в забетонированную площадку для спорта. То ли таким образом они пытаются сэкономить на садовнике, то ли питают надежду, что однажды их сын попадет в *NBA*, – но стук мяча, ударяющегося о не очень-то грамотно устроенное покрытие, по вечерам преследует всю улицу. Его мать поднаторела в контейнерном садоводстве, уверяя всех, что благодарит Бога, не пославшего ей ни одного дерева. Она входит в группу активистов, требующих срубить старый дуб возле игровой площадки на школьном дворе. Дуб совершенно здоров, но ее беспокоят длинные ветви, нависающие над детскими качельками-карусельками. Древоеды удостоверили, что дерево крепкое, и другая группа родителей написала петицию, заявляя, что им нравится тень, но эта тетка ужасная перестраховщица. Фургончик *UPS* чаще всего останавливается именно возле ее дома, и я понимаю, что от заказов всего на свете онлайн до убийства ни за что старого дерева – всего один шаг.

По нашей стороне, в третьем доме от железной дороги живет женщина, которая никогда не выпускает на улицу своих пятерых кошек, но кормит на улице птичек. Каждый раз, проходя мимо, я обязательно вижу в окне две или три надушенных кошачьих мордочки, но не испытываю при этом грусти, потому что сердце мое – на стороне птиц. Моя Хестер тоже не выходит на улицу. Только сложно представить, какой запах стоит в доме этой кошатницы. Через два дома от нас в другую сторону проживает молодая семья, и на их лужайке вечно валяются разноцветные пластиковые лопаточки, совочки и прочее. Их никогда не убирают, и они уже выгорели на солнце. Однажды родители обрызгали кусты камелии серебряной краской-спреем. То ли они так детей развлекали, то ли это их садоводческая фантазия, не знаю. Возле дома, что на углу, висят китайские колокольчики, и все время кажется, что кто-то гремит посудой. А в задней части углового дома с другого конца устроили студию по йоге, что является нарушением градостроительного кодекса. Это может беспокоить лишь женщину с идеальным садом, но йога-инструктор высадила такую красивую розовую клумбу на передней лужайке, что соседка не ропщет.

Наше творчество в ландшафте не всегда доставляет другим удовольствие, но все же остается весьма занимательным.

⁸ UPS – компания по перевозке грузов.

⁹ Pottery Barn – сеть магазинов, продающая высококлассную мебель.

¹⁰ Walmart – сеть гипермаркетов.

¹¹ Пол-акра – по российским меркам это десять соток.

Я пытаюсь быть хорошей соседкой. Убираю тыкву с улицы после Дня благодарения и выключаю рождественские фонарики ровно первого января. Да, мой задний двор зарос травой, но передняя лужайка ухожена. Я сгребаю листья, чищу дорожку от снега и сыплю соль на лед, чтобы он растаял. Знаю, что мой отец подолгу задерживает соседей своими разговорами, в которых все время переходит на тему выращивания помидоров или Второй мировой. Он выматывает их своими рассказами о людях, живших тут сорок-пятьдесят лет назад. Сначала все изображают интерес на лице, только сколько раз можно слушать про миссис Профитт, что вырастила своих девятерых детей в трехкомнатном бунгало, которое можно рассматривать только как стартовый дом? Почему было не покинуть его уже при рождении второго ребенка и не переселиться в дом побольше, поближе к хорошей школе?

Думаю, моего отца любят, понимая, что уважение к прошлому – это очень правильно. Никто больше не говорит «негр», но ведь также никто не стремится выращивать помидоры из семечек, чтобы они созрели ровно к четвертому июля. Пожилой возраст дает отцу право поражать соседей богатством своего вокабуляра и разнообразных хобби, и пока он говорит, детишки дремлют в прогулочных колясках или носятся по лужайке. Его прощают, как прощают пускающих слюни старых котов. Он доживает свою жизнь здесь, на этой улице, а у других она только начинается. И если они умеют сравнивать одно с другим, то скорее считают его трогательным – ведь сами они ни на секунду не допускают мысли, что могут закончить свои дни в этом скромном месте, на этой узкой улочке, по другую сторону железной дороги от университета.

Пятнадцать лет назад отец переделал цокольный этаж в жилое место со своим выходом и двориком-патио. А остальную часть дома отдал мне. Я предлагала поменяться. Тогда уже было ясно, что я остаюсь, и я хотела цокольный этаж для себя, а он пусть заберет дом. Но отец отказался. Поэтому я переехала в бывшую комнату брата. Свою собственную я больше не хотела.

«Эль Пуэрто»

Один мой знакомый в Анневиле, Лео Сантос, является владельцем автомастерской. Лео нравится, что я ухаживаю за своим синим «Таурусом», или просто Бонни. А мне нравится, как он работает, нравится баннер над входом: БИЗНЕС, ОРИЕНТИРОВАННЫЙ НА ЖЕНЩИН. Лео также держит мексиканский ресторанчик «Эль Пуэрто», рядом с торговым центром «Вэйсайд». Его родители переехали в Америку, когда Лео было шесть лет. Отец открыл мастерскую, а идея с баннером принадлежала матери Лео, насмотревшейся, как в подобных заведениях обращаются с женщинами. И она же предложила сделать такую вывеску. Бизнес у Лео шел хорошо, а когда родители состарились, он перевез их за город, и у него остались деньги, чтобы вложиться в увядающий ресторанчик. Он сделал из него прекрасную такерию¹² «Эль Пуэрто».

Лео добрый, честный и открыт строго по расписанию, чего не скажешь про заведение «Уютное Местечко Миссис Ким», что с другой стороны «Вэйсайда». Очень часто «Уютное Местечко» закрывается раньше положенного и отказывается открывать дверь, сколько ни показывай на часы. Когда прошлым летом какие-то мальчишки поработали с баллончиками, превратив вывеску в «Неудобное Местечко», я никак не посочувствовала миссис Ким.

Лео говорит, что формула успеха для бизнеса в маленьком городке – это традиция и регулярность. Мне кажется, что он прав. Два раза в неделю я прихожу в «Эль Пуэрто» и заказываю буррито – в понедельник после работы, а в четверг мы отправляемся туда с отцом. Он у меня заслуженный профессор в отставке, но университет выделил ему крошечный кабинет, и четверг – его присутственный день. Лео называет отца английским профессором, а отец его больше никак не называет, когда я сказала, что «мексиканский автомеханик» звучит не очень уважительно.

– Но ведь это же шутка.

– Но Лео – мексиканец.

– Может, тогда просто «механик»? – спросил отец.

– Нет, он же еще и повар.

Я люблю мексиканскую пищу, а «Эль Пуэрто» находится в шаговой доступности от нашего дома. Окна ресторанчика выходят на парковку «Вэйсайда», так что место там не очень, хотя многие окна в Анневиле тоже выходят на парковки. Мы понастроили их тут с запасом, так что большую часть времени эти асфальтовые проплешины, на которых не способно вырасти ни одно растение, просто плавятся под солнцем. Но парковки очень удобны для репортеров, чтобы взять интервью. Попробуй подойти к человеку, когда он находится в собственном саду – скорее всего он тебя пошлет. Но стоит подловить кого-то возле их джипа, припаркованного вблизи *Costo*¹³, и тебе расскажут хоть что. Мы с Лео ровесники, и он, так же как и я, обращает внимание на названия. Многие жилые районы имеют красивые имена, не имеющие, правда, никакого отношения к реальности. Например, в Анневиле есть местечко Утесы, хотя никаких утесов поблизости не наблюдается, Цитрусовая Роща (вообще не наш климат: мы находимся в седьмой зоне морозостойкости) и дом престарелых «Восход Солнца», хотя большая часть окон смотрит на запад. И мне понравилось название нового квартала – Каменные Ворота.

– По крайней мере, это выполнимо, – сказала я Лео.

– Но людям хочется чего-то более возвышенного, – возразил Лео.

Хотя «Вэйсайд» и называется супермаркетом, он очень даже неплох благодаря своей старомодности и вывескам на разный манер. Некоторые парковки обсажены небольшими деревьями, чаще всего лягерстремией (*Lagerstroemia*). Подобно кролику среди чистого поля, стре-

¹² Мексиканская забегаловка, где продают лепешки тако и буррито.

¹³ Крупнейшая в мире сеть складов самообслуживания клубного типа.

мящегося сигануть в рощицу, я предпочла бы припарковаться возле деревьев, но «Вэйсайд» этим не озаботился. Земля за гипермаркетом идет под уклон, и в лощине имеется небольшой подлесок. Воздух там прохладен, и всегда много птиц. Часто оттуда слышится пение скворцов, а за дальним краем лощины начинается пригорок, обозначающий границу Дак Вудс. Много лет назад кто-то рассыпал на лугу семена диких неместных цветов, которые буйствуют там до осени, пока городские власти не начинают косить траву. И этот лес, и луг занимают площадь чуть меньше футбольного поля.

В мае перед «Эль Пуэрто» появились строители и начали сносить большую часть парковки. Сразу пошли политические шутки – «Собираетесь стенку возводить? *El requeño muro*¹⁴?» Лично я решила, что просто возникли какие-то проблемы с водо- или газопроводом, а потом вдруг появился баннер: СКОРО ЗДЕСЬ ОТКРОЕТСЯ УЛИЧНОЕ КАФЕ!

Я сразу поняла, что это задумка Лео. Позднее стало известно, что он выхлопотал разрешение расширить свою зону за счет парковки, обязуясь вносить городу небольшую месячную плату. Он хотел создать тротуарное кафе, каких в городе много, особенно на территории университета, хотя там пошкарнее. Большую часть работы Лео делал сам, и через пару месяцев рядом с «Эль Пуэрто» появился низкий деревянный помост со столиками и высокая стойка, за которой можно сидеть, обозревая парковку. Лео установил освещение, купил красные пляжные зонты и свечи в плошках. У него прекрасный вкус, и результат получился отменный. На фоне супермаркета это место выглядело разительно элегантно. Лео назвал эту пристройку «Променад Эль Пуэрто», а в день открытия, ознаменованный бесплатными лепешками тако, через всю парковку к нему выстроилась очередь.

¹⁴ Маленькая стена (*исп.*).

«Таурус»

Есть одно место, на углу между университетом и магазинчиком *Be Main*¹⁵, где я могу поставить Бонни на нейтралку, убрать ногу с педали тормоза, и она не сдвинется с места ни вперед, ни назад – настолько тут ровное покрытие. Я рассказала об этом отцу в последний четверг мая, когда мы отправились в «Эль Пуэрто». Я сама заехала за ним на работу, поскольку его машина была на ремонте у Лео. Сначала отец заинтересовался этим наблюдением, но сзади завизжали шины другого автомобиля, и отец сказал нечто странное:

– Нет на свете другой страны, так сильно любящей автомобили, но при этом так плохо умеющей водить.

Я напряглась. Его любое обобщение воспринималось лично.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мы больше не ходим, не плаваем под парусами... – Он откашлялся, и я подумала, что сейчас он толкнет речь. – Жажда летать мертва, исследования космоса – сплошная насмешка. А вот наши отношения с автомобилями продолжаются. И их названия свидетельствуют о нашей тяге к приключениям и богатству. Взгляни хотя бы на этот.

Перед нами ехал «Форд Экспедишн», а по соседней полосе – «Меркьюри Сейбл»¹⁶.

– А как насчет «Тауруса»¹⁷? – спросила я и приоткрыла люк в крыше. – Не такое уж гламурное имя.

– А что с «Таурусом»?

– Ну, это же «Форд Таурус».

Он посмотрел на меня.

– Так это «Таурус»? Как знак Зодиака?

– Да, как и у тебя. Просто у меня седан.

– Знак Тельца.

– Я думала, ты знаешь.

– Нет, не знал.

– Моей первой машиной была «Фиеста». «Фиеста», «Таурус», а потом будет, как я надеюсь, гибрид.

– Поведай мне свою биографию, и я догадаюсь, какие книги ты читал.

По его тону я догадалась, что это цитата. Я включила радио. Отец и прежде говорил, что я слишком много времени уделяю своим машинам, имея в виду, что пора обзавестись семьей. Интересно, американская мечта – скорее дом или машина? Что больше предпочитает мечта – пускать корни или двигаться? Большинство людей так и не могут с этим разобраться.

– Как поживает наш английский профессор? – поприветствовал нас Лео, когда мы вошли в «Эль Пуэрто». Он крикнул поварам, чтобы принесли любимое блюдо моего отца (буррито с фасолью пинто и соус гуакамоле) и проводил нас к столику.

– Благодарю вас... сэр. – Отец кинул на меня быстрый взгляд и отвесил легкий поклон. Лео улыбнулся и ответил тем же.

– Тебе известно, что он невосприимчив к ядовитому плющу? – сказал отец, когда Лео ушел.

– А ты откуда знаешь?

– Он сам мне сказал. Мы иногда общаемся и без тебя.

¹⁵ Магазин дизайнерской одежды.

¹⁶ Сейбл – от *англ.* Sable (соболь).

¹⁷ Таурус – от *лат.* Taurus (телец).

Я раскрыла меню, а отец вытащил из кармана благодарственную открытку – судя по почерку, написанную кем-то из соседских детей.

– Это от Беллы, – сказал он, показывая мне открытку. – А ее младшего братишку зовут Генри. Я принес им из сада эхинацею.

Под садом отец имеет в виду клумбу за домом – я посадила ее несколько лет назад, а потом забросила. Многолетники, самые стойкие, продолжали цвести среди сорняков.

– Как мило, – сказала я, возвращая открытку.

– Они наши соседи.

Я это знала. Знала, что Жанин, мать Беллы и Генри, частенько замирает на передней лужайке, разглядывая свой клен платановидный (*Acer Platanoides*). Это самое мое любимое дерево на нашей улице. Часть его сердцевины уже погибла, но клен платановидный обычно умирает медленно, начиная с макушки. Вот он и стоит среди нашей зеленой улицы словно закаленный в боях воин. Мне бы хотелось, чтобы он был у нас, перед моими окнами, потому что я ни за что бы его не срубила. Но мне неизвестно, что думает о деревьях Жанин.

– В самом деле? – говорю я отцу.

Он слегка нахмуривается, и какое-то время мы молча едим сальсу и кукурузные чипсы. Несмотря на возраст, отец очень аккуратно ест, и это радует.

Многие наши соседи с Тодд-лейн, как Жанин, например, переехали сюда пять-шесть лет тому назад. Но есть и те, которые живут тут гораздо дольше и помнят меня еще ребенком. И тем не менее мы приветствуем друг друга лишь легким взмахом руки. Если честно, меня это вполне устраивает, потому что не знаю, надо ли заводить с ними разговор о трудных моментах своей жизни и стоит ли как-то объяснять свою чужаковатость. Может, обойтись вывеской? Точно – давайте развесим по улице вывески, объявляя всему свету о своих трагедиях и разочарованиях. Получится полезно и весьма по-соседски.

– Правда лишь то, что мы живем рядом, – сказала я.

Ясень (*Fraxinus excelsior*)

Следующим вечером я обнаружила в почтовом ящике скан картинку с ясенем обыкновенным (*Fraxinus excelsior*), а в правом верхнем углу стоял вопросительный знак. Произрастает ясень на Британских островах и легко приживается среди известняковых скал, где в почве много кальция. По форме семена ясеня похожи на ключи от средневековых замков, а его крона благодаря раскидистым ветвям всегда открыта и пропускает много солнца. Ясеню отдается предпочтение при изготовлении топорищ, рукоятей для молотков, зубил, черенков под лопаты и другие инструменты, которые должны выдерживать большое усилие.

Благодаря многим своим качествам ясень – идеальное семейное дерево.

Я добавила картинку к стопке, что хранится у нас на микроволновке. Это мой отец выбирает для себя памятное дерево. Надеется, что университет посадит какое-то в его честь до того, как он умрет, а если нет, я должна сама определиться. В связи с чем меня мучает вопрос: какое дерево выбрать?

И вот уже три года отец складывает для меня портреты деревьев.

Тис

Когда в июне Лео открыл свой Променад, в местной газете вышла коротенькая заметка об этом. А в июле поэт с нашего английского факультета получил премию в пятьдесят тысяч долларов всего за одно стихотворение, что является мировым рекордом. Это событие попало в передовицы. Стихотворение посвящено тису ягодному (*Taxus baccata*) в университетском саду. В статью включили и фотографию тиса, и репринт стихотворения. Наша команда, состоящая из меня, Сью, Блейка О’Делла и пяти студентов колледжа на летней подработке, устроилась на ланч за уличным столиком и взялась читать статью. Блейк сидел с краю и плохо видел, поэтому когда мы со Сью закончили, то подвинули газету к нему и принялись за еду. Прочитав статью, Блейк подвинул газету к студенткам и тоже стал есть.

Стихотворение называлось «Темнеющий Тис» и состояло из 4 восьмистиший, 32 строк и 166 слов. Я это знаю, потому что Сью забрала у ребят газету и вслух начала читать. Когда она закончила, Блейк уставился на облака в небе, немного помолчал, а потом сказал:

– Примерно по триста долларов за слово.

Один из студентов присвистнул в знак удивления.

– Помню, как ты выращивала побег, – сказал мне Блейк.

– Да, и все думала, что да как, – кивнула я.

– Я считал это не очень хорошей идеей.

– Это правда.

– Токсичная листва с высоким содержанием алкалоидов – это на территории, где мы даже отказались от высаживания арахиса¹⁸. Мы сами напросились на проблемы.

– Да, но мы прикрепили табличку.

Блейк кивнул.

– А еще он растет слишком близко к зданию.

– И в этом месте стена имеет дефекты, – заметила Сью. – А корни под нее уже забрались.

Каждый год архитекторы жаловались, но теперь перестанут.

Иллюстрация к стихотворению была очень некачественной. Тис – темное и таинственное хвойное дерево, произрастающее в Европе и Великобритании, но на этой черно-белой с выступающим зерном фотографии, сделанной года два назад, он скорее походил на плохо сформированную рождественскую елку. Издревле тис ассоциируют с кладбищами: эта традиция пошла от раннехристианских миссионеров, которые молились под его вечнозеленым кровом, символом жизни вечной. Древесина тиса по своей эластичности и крепости оставляет другие деревья далеко позади. Я надеялась, что люди захотят прийти и увидеть его своими глазами в маленьком саду. А потом я представила, как люди трогают его иголки, как по нему лазают дети, – представила и содрогнулась.

Именно я раздобыла побег от Фортингэльского тиса, что стоит в самом сердце Шотландии, в небольшой деревушке близ озера Лох-Тей. Я никогда не была там, но видела много фотографий этого дерева в церковном саду. Говорят, что ему около трех тысяч лет. Когда английские лесные хирурги объявили, что будут брать у дерева побеги для комиссии по лесному хозяйству, которая намеревается подрастить их и рассадить по всему Соединенному Королевству, я обратилась к главе нашего бюро по ландшафтной архитектуре, а тот в свою очередь связался с нашим офисом, сказав, что, приобретя побег, мы таким образом продолжим традицию университетских отцов-основателей, которые высадили на территории более сотни видов деревьев и кустарников. Историческое упоминание сработало, и в этом же году мой побег был торжественно посажен в землю во время церемонии в честь отцов-основателей. Саженец нашел

¹⁸ Арахис может вызывать аллергию.

свой приют в маленьком садике и был посвящен уходящей на пенсию женщине, занимавшейся у нас сохранением исторического наследия. Я не была с ней знакома, но, как и требует традиция, она сделала огромный вклад «в поддержание исторической территории». К счастью, никто не вешает памятные таблички, и все имена просто перечислены на сайте, но по крайней мере я знаю, кому именно посвящен этот тис.

Я забрала побег прямо в аэропорту и сразу же отправилась в университетскую теплицу, где посадила его в горшок и взращивала, пока он не был готов к пересадке. К концу весны он хорошо закрепился корнями в земле, потом еще три недели я его закаляла, хотя в самую первую укрывала специальным агротекстилем. Почву в садике я тоже подготовила, обогатив мягким известняком. В течение шести зим после каждого снегопада я обрезала молодые веточки, а на седьмой год заново провела оросительные работы, чтобы улучшить дренаж почвы.

Тис – одно из немногих хвойных, чьи семена формируются не в шишках, а в красных аррилусах – мякоть у них сладкая и неядовитая. Аррилусы – любимая пища дроздов. А вот остальные части дерева – ядовиты, поэтому мы оградили тис ландшафтнoй цепью и установили табличку:

ТИС ЯГОДНЫЙ

(TAXUS VACCATA)

ОТ ПОБЕГА ФОРТИНГЭЛЬСКОГО ТИСА В ШОТЛАНДИИ

ВОЗРАСТ – ОТ ТРЕХ ДО ПЯТИ ТЫСЯЧ ЛЕТ

ПОЖАЛУЙСТА, ПРОСИМ ПРИНЯТЬ К СВЕДЕНИЮ:

ЯГОДЫ, ЛИСТЬЯ И КОРА ЯВЛЯЮТСЯ ЯДОВИТЫМИ

Мы долго мучились с формулировкой. Администрация хотела написать *внимание*, я считала, что следует выразиться помягче – *пожалуйста, не забудьте*. В итоге все сошлись на *просим принять к сведению*, но в последний момент Блейк захотел прибавить *пожалуйста*. Тем не менее каждые пару лет кто-нибудь да жалуется, и я боялась, что деревом пожертвуют ради спокойствия матерей первокурсников. Но эта поэтическая премия, похоже, сохранит тису жизнь, чему я очень рада.

Тис стоит в одиночестве, и мне жаль, что это так. Многие ученые считают, что деревья способны задруживаться друг с другом, переплетаясь корнями, делясь жизненными соками и поджимая собственные ветки, чтобы другим тоже хватило солнца. Говорят, два соседних дерева становятся настолько близки, что когда одно из них умирает, следом за ним гибнет и второе. В пятнадцати метрах к западу от тиса стоит ель ситхинская (*Picea sitchensis*), замечательный образец. Непогода набегаёт с запада, и ель, прекрасно справляясь с порывами ветрами, создает защиту для тиса. Лучше хоть что-то, чем ничего.

Тис прекрасно себя чувствует. Есть кое-что, известное только мне и Блейку, поэтому сейчас мы многозначительно переглядываемся. Ведь именно мы отвечаем за деревья в этой части кампуса, замеривая их высоту и обхват ствола. Тис является долгожителем и должен расти медленно – чтобы достичь двухметровой высоты, на это обычно уходит десять лет. Моему тису пятнадцать лет, а он уже ростом шесть метров. Мы с Блейком не знаем, в чем тут дело, но дерево растет с необъяснимой стремительностью.

Поездки

Много лет подряд в августе наша семья отправлялась в Новую Англию, где проживала мать моего отца. Мы ехали напрямик, запасшись едой в сумке-холодильнике и останавливаясь на перекус в специально отведенных для этого зонах. Отец, брат и я относили к столу сэндвичи, а мама, как правило, оставалась в машине. Иногда я понимала, почему так, но иногда дремала и не могла отследить, отчего она расстраивается. Земля и деревья в это время года еще сухие, но воздух уже перенасыщен влагой. Смахнув пауков, я вытягивалась на скамейке и смотрела на облака. Все было такого цвета, как и положено: зеленые листья, синее небо, белые облака – как на детских рисунках. Безо всяких перепадов, необычной игры света, связанных с погодой.

Отец, как правило, прихватывал с собой свежую газету, и перекус затягивался. Мама курила сигарету, открыв дверь и выставив ногу из машины, а брат, засунув за щеку что-нибудь вкусненькое, купленное по дороге в автомате, бегал туда-сюда между родителями.

После перекуса мы снова садились в машину, вел всегда отец, а я пристраивалась сзади. Мама сидела возле отца, а брат – за ней. Здесь важны диагонали: я видела лишь краешек маминого лица, но не полный профиль – такое бывало, лишь когда она поворачивала голову, чтобы покрутить ручку радио или взглянуть на отца, и это меняло ее настроение в лучшую сторону. Точно таким же образом мой брат видел отца.

Вот так мы и росли: я смотрела на маму, а брат – на отца. Больше нет этой молодой семьи, мчавшейся куда-то в машине, они вымерли, как некоторые млекопитающие. Где тот маленький светловолосый мальчик, носящийся от папы к маме с печеньем за щекой? К подростковому возрасту волосы его потемнели, но он все продолжал носиться как угорелый, пока не попал в Калифорнию. Где тот отец, что в конце августа принес в свой сухой сад лобелию пурпурную (*Lobelia cardinalis*) и годами пытался поддерживать в ней жизнь на негостеприимном клочке земли? Он давно забросил лобелию. Где та гипернаблюдательная девочка-подросток? Я тоже сдалась и стала обращать больше внимания на книги да растения.

Гостили мы у бабушки тихо, много читали, подолгу гуляли в лесу и почти ни с кем не общались. Помню, однажды вечером отец тщательно побрился и надел пиджак. Бабушка сделала фаршированные яйца, и нам с братом было велено тоже одеться поприличней. Я фиксировала события как приход заморозков: странно, но бодрит.

В доме, что ниже по улице, была организована вечеринка, почетная гостья была в парике и в толстых нейлоновых чулках телесного цвета. Она сидела в кресле у окна и хотя улыбалась иногда, разговаривала с остальными и даже пила джин с тоником, ни разу не поднялась с кресла. Ее сын, темноволосый мальчик десяти-одиннадцати лет, находился подле нее, и когда женщина пожаловалась на прохладу, он принес ей шаль. Отец тогда выпил на пару рюмок больше обычного, а позднее объяснил мне, что та женщина в парике умирает от рака. Она ушла, не дожив до сентября.

Идея коктейльной вечеринки принадлежала этой женщине, она так прощалась с друзьями и соседями. Моя бабушка была ее другом и настояла, чтобы и мы пришли с ней. Для меня это было удивительно, так как мои родители выдумывали любые отговорки, лишь бы не приглашать в дом гостей, тем более кого-то умирающего.

Из тех поездок к бабушке осталось особенное яркое воспоминание. Мы остановились на перекус, и я села на скамейку возле плюща обыкновенного (*Hedera helix*). Над головой паук сплел свою паутину, а я бросила в него семенной коробочкой, хотела посмотреть, что будет. Ни секунды не сомневаясь, паук обрезал вокруг нее нити и взялся за починку своего дома. Очень скоро он снова замер в центре паутины, которая теперь уже была под новым углом относительно земли.

Уроки вождения

В следующий раз увидев Лео, я спросила, – точно ли он трогал когда-либо ядовитый плющ.

– Моя мать считала, что я никогда не заболею ветрянкой, пока я не подхватила ее. Это случилось в тот период, когда она учила меня водить, – сказала я.

И тогда Лео достоверно описал мне плющ ядовитый, и я кивнула, что это он и есть.

– Так тебя учила водить твоя мать? – спросил Лео, продолжая стоять возле моего столика.

– Да.

– Нет. – Он улыбнулся. – За такие вещи отвечают отцы, – с наигранным апломбом заявил он.

– Во всем остальном у нас было традиционное распределение ответственности между родителями. Но именно мама учила меня водить. Она была в этом мастак.

– А отец нет?

– Нет, он тоже хорошо водит, но для мамы это было почему-то важно. Она взялась за это по какой-то своей внутренней причине.

Я сказала это и поняла, что так оно и есть, хотя раньше даже не догадывалась.

Когда мне было пятнадцать, вместо того чтобы отправить меня на курсы по вождению, по вечерам этим занималась со мною мама. Когда я научилась объезжать преграды и мотор не глох (мама настаивала, что я должна научиться пользоваться ручной коробкой передач), только тогда она разрешила выехать с круга. Мы слушали радио, и при нас было две баночки с содовой, хотя к своей я не имела права прикасаться до окончания урока. Я вела машину, а мама посасывала содовую, отбивая подбородком ритм музыки по радио.

К концу семестра мы уже ездили по холмистым местам кампуса (я должна была научиться взбираться в гору). Помню, как она указала в сторону украшенных к Рождеству окон студенческого общежития. Она назвала их «маленькие квадратики радости». Думаю, в те времена она была счастлива. Ей тогда исполнилось сорок. На следующий год она помогла мне с покупкой подержанного «Форда Фиеста», хотя у нее самой никогда не было машины. Когда «Форд» сдох, я купила «Таурус» первого поколения, все еще с ручной коробкой передач. Это и есть моя Бонни.

Я люблю водить, но за долгие годы в моей голове сложился целый архив автокатастроф, про которые я читала в прессе. Женщина шла в церковь, ее сбила машина на такой скорости, что голова оторвалась от туловища и отлетела на несколько десятков метров. Подросток ехал по лесной дороге, рябившей от солнечного света, проходящего сквозь листву, и его проткнуло веткой, которой он не заметил. Были и другие случаи. Я читала где-то, что регулировщики возле школьных переходов не имеют права помогать никому, кроме детей, даже старушкам, работающим локтями как крылышками для придачи скорости, потому что если что-то случится с детьми, на городские власти накладывается огромная ответственность. Мы пинаем своими машинами людей, но не имеем права коснуться человека, чтобы помочь ему перейти дорогу? Какое абсурдное правило, и в мире много таких вот нелепостей, о которых мы не можем говорить в полный голос. Я перестала жевать свой буррито. Вернулся Лео и спросил, не хочу ли я заказать что-нибудь другое, но я сказала, что нет, все прекрасно.

На Променаде было полно народу – Лео даже пришлось втиснуть семь дополнительных столиков, чтобы сделать это местечко еще более прибыльным, а никто и не возражал. После событий 9/11 «Макдоналдс» на той стороне улицы установил на крышу огромное количество национальных флагов, и они хлопали на ветру, создавая иллюзию морского побережья. За «Макдоналдсом», где-то в двухстах метрах отсюда (на столько же вытянулась очередь из машин), находится *Barracks*, гипермаркет побольше с магазинчиками *Whole Foods*, *Bed Bath*

& *Beyond*, *Barnes & Noble*, престижной оптикой и *Ruby Tuesday*. Этот супермаркет пользуется бóльшим спросом, чем «Вэйсайд», который может похвалиться лишь «Эль Пуэрто», магазином принадлежностей для квилтинга¹⁹ и семейной аптекой – это, если представить план, вдоль длинной части латинской буквы *L*. А в углу расположены салон-парикмахерская *Shear Elegance* (чье единственное украшение составляет крест, на котором висят три пары сланцев), а также пустующая торговая площадь с витриной и, наконец, «Уютное Местечко Миссис Ким!». Земля вокруг *Barracks* украшена лягерстремиями (чья ягоды к концу лета приобретают ярко-малиновый цвет), пурпурным шалфеем, самшитом, туями и сезонным шпажником. Если *Barracks* набит под завязку, посетители паркуются возле «Вэйсайда», а дальше идут пешком, и это проблема для «Эль Пуэрто», ведь тогда народ предпочтет поесть в *Ruby Tuesday* либо перехватит сэндвичей в кафе при *Barnes & Noble*.

За соседним со мной столиком в предобеденной молитве две девочки склонили головы над красными корзинками с хлебом. В дальнем конце молодые мамочки ждут заказ, а их детишки болтают ногами в автолюльках. Несколько молодых людей сдвинули в центре два стола, но потом каждый уткнулся в свой сотовый. Один вдруг поднял голову, услышав, что по динамикам, которые с таким трудом установил Лео, играет музыка мариачи²⁰. Парень поднимает руку, выставляет большой палец вверх, словно целясь в динамик из пистолета.

Лео приносит мой чек.

– А как ты реагируешь на комариные укусы? – интересуюсь я.

– Ужасно, все раздувается. А ты?

– А мне нипочем.

Он кивает в знак восхищения.

¹⁹ Американская техника лоскутного шитья.

²⁰ *Мариачи* – мексиканская народная музыка.

Липа войлочная **(*Tilia tomentosa*)**

Ее листья имеют классическую форму карточной масти «черви». Древесина – бледно-коричневого цвета, и резчики любят использовать ее при изготовлении деревянных скульптур. Также из туи делают шляпные болванки, обувные колодки и клавиши для пианино.

Неплохой вариант памятного дерева для отца, и я даже начала подготавливать землю, а потом поняла, что скорее всего будут проблемы с экологическим ведомством. Они в этом плане очень придирчивы, к тому же есть твердо устоявшееся заблуждение, будто липа войлочная токсична для пчел. На самом деле поздним летом и ранней осенью, когда пчелиный цикл подходит к концу, остается не так много источников для сбора нектара, и они роятся возле липы, и некоторые из них там же умирают. Но ведомство пресекает даже ложную опасность для живых опылителей.

Последняя кислая вечеринка с виски²¹

В августе мы с отцом присутствовали на прощальной вечеринке старой четы Гоулдов, проживших на нашей улице тридцать пять лет, а теперь они продали дом и уезжают. Пришли и новые хозяева, а также десятки друзей и соседей. В этом доме Гоулды вырастили троих детей, но, послушав, как Бет Гоулд отзывается о своем переезде, я не услышала ожидаемой грусти. Бет сказала, что дом и сад слишком большие для них и что она с Филипом готова к новым приключениям. Кто-то спросил про детей – сильно ли они расстроились.

– Что вы, они сидят по своим домам, – ответила Бет. – Мы сами к ним ездим.

Единственной заботой было переименовать на новом месте вечеринки, которыми Гоулды так славились. Они планировали подавать другие напитки вместо виски и кислого эля, какие именно – они пока не решили.

Узнавая некоторых соседей, я дежурно улыбалась, ибо знала их слишком плохо, чтобы завести беседу. Ведь и они знают меня плохо и, возможно, не очень-то любят, а наше знакомство никак не продвинулось с того момента, как они сюда переехали. Некоторые обращались ко мне с просьбой забирать почту или поливать участок, пока они в отъезде, но сама я никогда не просила об ответной услуге. Кто-то одобрял мое проживание в отеческом доме: «ваши корни здесь», – говорили они. Но я-то давно здесь прижилась. Полагаю, что теми же самыми словами они подбадривают и себя, когда машины на скоростной дороге громыхают по шумовым полосам, мешая им спать.

Гоулды еще не начали паковать чемоданы, и я немного побродила по их прекрасным комнатам. Обстановка тут – очень уютная и элегантная, мебели – не много и не мало, цвета – приглушенные и гармонируют друг с другом, большие окна блестят чистотой. Атмосферное место, где много чудесных предметов, которыми пользуются с любовью. На пороге кухни я вдруг остановилась. Она здорово отличалась от остального дома. Везде – на магнетиках, подставках под ложки или горячее, на кувшинах, подсвечниках, полотенцах и на вышивках в рамочках – можно было прочесть крылатые выражения. Недолго пришлось гадать, чтобы понять основную тему:

Дружба слаще самой жизни (Святой Августин²²)

Дружба – это внутренний магнит (Юдора Уэлти²³)

Друзья – это семья, которую мы выбираем (Анонимный автор)

Счастлив дом, приютивший друга (Эмерсон²⁴)

Друзья – божественная апология отношений (Хью Кингсмилл²⁵)

Друзья проявляют любовь не в счастье, а в горе (Еврипид²⁶)

Даже на коробочках с салфетками *Kleenex* имелась надпись: *Собирайте друзей вместе: Rsembler des amis*. Сколько каллиграфических советов, собранных из разных веков, и каждый истерт до пастельных тонов. Мне хотелось понять – то ли это подарки от друзей на протяжении многих и многих лет, то ли это пожелания Гоулдов самим себе. Но ведь в любом случае

²¹ *Кислая вечеринка* (Sour Party) – название эля с добавлением фруктового пюре, придающего напитку кислый вкус.

²² *Святой Августин* (345–430) – христианский богослов и философ, влиятельнейший проповедник, епископ Гиппонский, один из отцов христианской церкви.

²³ *Юдора Уэлти* (1909–2001) – американская писательница и фотограф.

²⁴ *Ральф Эмерсон* (1803–1882) – американский эссеист, поэт, философ, пастор, лектор, общественный деятель; один из виднейших мыслителей и писателей США. В своем эссе «Природа» первым выразил и сформулировал философию трансцендентализма.

²⁵ *Хью Кингсмилл* (1889–1949) – британский писатель и журналист.

²⁶ *Еврипид* (481 г. до н. э. – 406 г. н. э.) – древнегреческий драматург.

это работает, разве нет? Этот дом полон друзей, которые любят хозяев и желают им самого лучшего. Гоулды счастливы, здоровы и не предаются лени. В словах Бет по поводу того, что дети редко их навещают, я не почувствовала ни нотки раздражения – она просто и любовно назвала их домоседами.

Я снова наполнила вином свой бокал, на котором не было (я это дважды проверила) никакого крылатого выражения, а только лишь бирюлька на ножке, чтобы твой бокал не затерялся среди множества других. Я не удивилась и этому. На посудомоечной машинке был прикреплен магнитик: *Счастье – это когда твой друг... моет за тебя посуду.*

Когда я вернулась к остальным, мой отец разговаривал с Бет, внимательно склонив голову – знакомая поза, означавшая, что ему интересна эта беседа и что он не хотел бы, чтобы их прерывали.

Возле стола я столкнулась с Филипом.

– Вы – дочь Эттавея, – сказал он.

– Извините, но да. – Светская беседа похожа на комедию: редко когда смешно и недалеко до точки кипения. Когда приходится что-то говорить в ответ, у меня рождаются сплошные клише.

Потом он сказал:

– Мне так нравилась ваша матушка. – И в голове моей сразу стало пусто. Сказать «спасибо» было бы неуместно, но что я должна была ответить? Я уткнулась взглядом в пол.

– Я помню, как она учила вас водить. Брала у нас фургончик «Фольксваген», потому что хотела, чтобы вы научились пользоваться ручником. Я ею восхищался.

Я помнила этот микрофургончик, но не помнила, чтобы он принадлежал Гоулдам. Они тогда ездили на синем «Мини Купере», и я точно восхищалась его маленькими габаритами.

– Вы хотите уехать отсюда? – спросила я.

– Конечно. – Он внимательно посмотрел на меня. – Как вы вообще? Собираетесь ли с отцом покинуть это место?

На языке вертелось ответное «мы – лучше не бывает», и я с трудом сдержалась, чтобы не выпалить эти слова. Ситуацию спас кто-то из гостей, желающий сказать тост, и все столпились в гостиной.

– Простите, – сказал Гоулд, – меня зовут.

Подарок был от всей улицы (это первое, что было сказано), и все мы наблюдали, как Берг с Филипом вместе разворачивают его. Подарок вручили Берг, но она настояла, чтобы они вместе его распаковали. Филип снял бант, начал разрывать упаковку, передавая обрывки жене. Наконец, они склонились над серебряным блюдом и молча прочитали надпись. Потом они посмотрели друг на друга, в глазах у каждого стояли слезы. И Берг прочитала надпись вслух, голос ее срывался от волнения:

– «Скажи мне, кто твои друзья, и я расскажу тебе про твое будущее».

Все радостно заплодировали. Вокруг крылатого выражения без указания автора, словно созвездие, были выгравированы фамилии всех соседей – некоторые из них знали Гоулдов по много лет.

Там была и фамилия Эттавей – я проверила перед уходом.

Тем вечером я бродила по комнатам нашего дома. В отличие от Гоулдов, тут ничего не было напоказ, и никаких крылатых выражений для всеобщего обозрения. Моему отцу восемьдесят, и он никогда не носил футболки с надписями. То же самое можно сказать и о маме. У нас было принято помнить стихи наизусть, а книги – выскидывать и читать.

У нас есть полное собрание Оксфордского словаря английского языка, все двадцать томов. Отец подарил его маме, когда я родилась – как напоминание, что хотя ее жизнь сильно поменялась, язык остается неизменным. Эти тома занимают две нижних полки книжного стел-

лажа в гостиной. Я вытащила том VI, *Follow – Haswed* и нашла слово *друг*. Пускай на кухне Гоулдов полно прекрасных фраз, но для меня они – гибриды, как перекрестное опыление для достижения максимальной сладости. Мне же хотелось узнать самое раннее употребление слова *друг* в английском языке.

И вот пожалуйста – цитата из «Беовульфа»: «*Heorot innan waes freondum afylled*». (В Хеороте царила одна лишь дружба.) Я дипломированный филолог, и в колледже мы, конечно, проходили эту поэму, но я плохо ее помню. Я знала, что она имеется в отцовской библиотеке, и отправилась поискать ее в кабинете, выбрав перевод Шеймаса Хини²⁷ – потому что он самый последний и мне нравится обложка. Внизу отец что-то уронил на своей кухоньке, а потом в доме снова воцарилась тишина. Я открыла книгу и начала читать.

Вот что важно тут для моей собственной истории: в блистательном чертоге славного короля Хротгара под названием Хеорот пировали дружинные воины. Чудовище Грендель, происходящее от Каина, живет неподалеку на болоте вместе со своей матерью, и его раздражают звуки радостного пира. Каждый вечер Грендель приходит к окнам Хеорота, чтобы посмотреть, как славные мужи наслаждаются вином, песнями и дружбой. Наконец, звуки пиршества приводят его в ярость неопишемую: Грендель врывается в чертог и убивает почти всех воинов. И каждый вечер этот ужас повторяется, пока, наконец, люди не перестают приходить в Хеорот. И тогда появляется Беовульф и предлагает помощь Хротгару, дабы спасти трапезную. Вместе со своими воинами он устраивает пир, а затем все притворяются спящими. Когда появляется Грендель, Беовульф хватает его за лапу, словно для рукопожатия, и после долгого боя отрывает ручищу чудовища по самое плечо. Грендель бежит в топи и там умирает. На следующий вечер мать Гренделя приходит в Хеорот, ища отмщения, но Беовульф в итоге сокрушает и ее, злосчастную. В литературе встречается и много других таких же мстительных страшилищ.

Подведем краткую черту: «Беовульф» – поэма о том, насколько чревата жизнь без друзей. Люди закатали пирушку, а этого негодника не пригласили. Он дуется под окнами, затем учиняет кровопролитие, за что его убивают.

Еще короче: без друзей ты превращаешься в Гренделя. Многие не создают семьи и живут бездетными. Кто-то даже не знает своих мать и отца, у них нет родных братьев и сестер. Но не бывает людей, проживших хоть сколько на этом свете без друзей. А вот у Гренделя все не так, поэтому он и стал первым чудовищем в английской литературе.

Я подняла голову и увидела, что на меня таращится моя кошка. Я спросила, чего она хочет. Хестер отправилась в коридор, словно ища там ответ, потом вернулась, нежно обнюхала большой палец на моей ноге и удалилась.

В Хеороте царила одна лишь дружба. Мне хотелось бы вышить это высказывание крестиком и повесить его в рамочке на кухне. Чтобы всякий, кто прочитал это (ну, возможно, *не абсолютно все*), хотя бы немного задумался о собственной жизни.

²⁷ Шеймас Хини (г. р. 1939) – ирландский писатель, поэт, переводчик и преподаватель. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1995 года.

Аварии

Последний день августа приходился на четверг. Всю неделю стояла влажная жара, но дневная гроза сотворила то, чего мы и ждем от нее, хотя это не всегда так, – она принесла прохладу. За ужином в «Эль Пуэрто» отец заявил, что хочет прогуляться домой пешком.

– А что с твоей машиной? – спросила я.

– Я заберу ее завтра.

– Не надо, я сама отгону ее.

– Очень мило с твоей стороны. – И он протянул мне ключи.

Я села за руль, а не должна бы, потому что выпила целых две кружки пива.

Понятие *sosед* очень растяжимое. Ты говоришь «она моя соседка», и люди думают, будто речь ведется о друге. Если что-то идет не так, мы говорим: «О, я не очень хорошо ее знаю, она просто соседка», и все сразу понимают смысл сказанного.

Жанин сказала полиции, что вроде я не злоупотребляю выпивкой, а потом прибавила: «С другой стороны, я не очень хорошо ее знаю. Она всего лишь соседка».

Свидетель сказал, что ребенок «находился не так-то близко от машины».

В местной газете написали: «Университетский садовник попала в дорожную аварию», но это слишком запутанно, потому что на дороге вообще не было машин. Я объехала ребенка и врезалась на парковке в серебряный «Лексус», принадлежавший богатой студентке колледжа, проживавшей в доме, купленном на родительские деньги. Мой выбор, во что врезаться, был намеренным. Либо «Лексус», либо куст будлейи (*Buddleia globosa*), выращенный мистером Брейденом. Уже очевидно, на чьей стороне оказались мои симпатии. Никакие другие машины не пострадали, ребенок цел и невредим.

Я ехала *слишком* быстро, и это чистая правда. Две кружки пива после не очень сытного ужина были моей ошибкой, хотя уровень алкоголя в крови не превышал допустимую норму. Офицер оказался молод и снисходителен.

– Мэм, я буду вынужден выписать вам штраф, – сказал он и поморщился, потирая затылок. – Хотя не думаю, что вы представляете какую-то угрозу.

Не очень убедительно, но я все равно сказала спасибо. Накануне я ударила левым колесом своей Бонни по шарнирной черепахе, и она, словно крученая подача, улетела в канаву. А ведь я видела ее на дороге среди комочков грязи вперемежку с хвойными иголками, видела табличку с предупреждением, и все равно сбила черепаху. Я уверена, что проломила несчастному животному панцирь.

Правильно говорят, что беда не приходит одна. В начале сентября было непривычно холодно, и отец поскользнулся и упал на садовой дорожке. Я ложилась спать, но увидела в окно, как он упал. Я выбежала на улицу, он лежал на спине, спокойный и просветленный. Рядом валялся кактус в горшке, образец цветущего ночного эхиноцериуса (*Selenicereus grandiflorus*).

– Вызови, пожалуйста, 911, – сказал он.

– Для тебя или для кактуса?

Он улыбнулся, и у меня отлегло от сердца.

– Вызови тихую «Скорую», не хочу будить детей.

– Ты цел?

– Пожалуй. Но моя нога...

– Про каких детей ты сейчас говоришь?

– Про Беллу и Генри. Тех, что живут напротив.

– Тебе помочь?

– Нет. Очень больно. Возможно, бедро сломал.

Я зашла в дом, набрала «Скорую» и объяснила диспетчеру, что моему отцу восемьдесят и он стабилен, но, кажется, он сломал ногу или бедро.

– Тихая «Скорая»? – переспросила она.

– Я думаю, он имеет в виду, чтобы не выла сирена.

Диспетчер велела укрыть его потеплее, и я, положив трубку, принесла ему одеяло. Отец погрузился.

– Я не хочу, чтобы тебе пришлось ухаживать за мной, – сказал он.

– Мне это ничего не стоит. – Слова мои прозвучали не очень-то убедительно, и я присела возле него.

Он заскреб пальцами по гравии, и на дорожке образовались маленькие проплешины.

– Можно полюбопытствовать, зачем ты среди ночи отправился за кактусом?

– Это для Бет Гоулд, она попросила. В их новом доме не такие высокие потолки, как они привыкли.

Selenicereus grandiflorus еще называют Королевой Ночи. Этот кактус цветет раз в год только ночью, и его цветок-лотос, источая необыкновенный аромат, к рассвету увядает. В Индии его называют Брахма Камал – в честь индусского бога сотворения всего сущего. Считается, что, если молиться этому богу, пока цветет лотос, все твои желания будут исполнены. Но кактус, который нес отец, еще не выбросил цветок.

Подъезжая к Тодд-лейн, «Скорая» выключила сирену, но некоторые соседи вышли на улицу: сплетя руки, они стояли и смотрели в нашу сторону, и по лицам их бегал сине-красный свет от мигалки. В некоторых домах к окнам прильнули детишки. Когда медики уже положили отца на носилки, подошла Жанин, прижав руки к груди и поеживаясь от холода.

– Чем-то помочь? – спросила она.

– Нет, спасибо. – Должно быть, я слишком резко ответила, потому что на лице ее появилось удивление.

– Я хотела помочь, – сказала она.

Помочь. Сейчас это слово указывало на определенного человека – Жанин Морот, мать Беллы и Генри, жену врача-резидента, вечно пропадающего на работе.

– Понимаю, – сказала я и выдавила: – Спасибо. – Я всегда чувствую, когда захожу слишком далеко.

Награды

Совсем недавно можно было наблюдать, как группа первоклашек сидит кружком на корточках, готовясь посадить свой первый в жизни садик или огородик или клумбу с хризантемами. Но нынче технологии дотянулись до всех, даже до детей. Теперь они играют в видеоигру «Растения против Зомби». Сама я никогда не пробовала, но, как понимаю, игроки проходят уровни, собирая растения, обладающие той или иной силой. И вот эти первоклашки и дети постарше (на мое счастье, такие уроки я проводила до пятого класса) любят представлять, будто нежные побеги, которые они виртуально сажают в землю, обладают чудодейственной сверхсилой. Только почему они не возьмут в толк, что процесс фотосинтеза не менее крут, чем замочить зомби? Увы. Я пыталась их понять, но не могу.

Если уж они так любят игры, я пыталась внести в уроки элемент соревновательности, делила класс на группы и объявляла, что победят те, кто первый завершит посадку. Но когда чья-то родительница пожаловалась, что детям не дают с собой хотя бы по горшочку с маргаритками, я отказалась от занятий. Мы живем во времена, когда каждому подай орден и у любого злодея есть в запасе душещипательная история. Люди перестали верить, что зло – это зло, а не просто результат неправильного выбора.

Блейк О’Делл поддерживал мое начинание, но потом сказал, что мне и впрямь лучше передать школьников в другие руки. Он распорядился, чтобы эти группы вели старшекурсники-добровольцы в рамках программы по защите окружающей среды. Из ребят бьет энергия, и они лучше взаимодействуют с детьми, хоть я побывала на одном занятии и видела, как студентка оторвалась от посадки, чтобы послать эсэмэску. И полкласса сразу же вытащили свои мобильники, а другая половина впала в прострацию, смирившись с тем, что преподавательнице более интересен ее телефон, чем они сами.

Блейка О’Делла нельзя назвать очень уж душевным человеком, и при случае он может включить «начальника», особенно когда плохо обращаются с растениями или когда добровольцы, которые должны бы строго следовать учебно-методическим рекомендациям, больше заботятся о своем загаре, а не о деле. Но он никогда не кричит, работает медленно и упорно, успевая больше других. Несколько лет назад отец рассказал мне, как в молодости они с мамой отдыхали в Альпах. Они настроились много успеть, покидая ранним утром свою горную хижину, набирая высокий темп и намного обгоняя пожилую группу, занимавшуюся скандинавской ходьбой. Но всякий раз после полудня эти люди вырывались вперед. Вот и Блейк такой же. Есть такая сказка про черепаху и зайца, и разве не удивительно, что она сбывается в реальной жизни?

В июле, вскоре после того, как был объявлен победитель поэтического конкурса, Блейк поставил перед начальством вопрос, что я, как человек, посадивший и вырастивший тис, ставший предметом поэтического вдохновения, тоже заслуживаю поощрения. Глава отдела ландшафтной архитектуры рассмеялась ему прямо в лицо, но помог декан, математик с душой ученого-ботаника – по словам Блейка, он часто наблюдал, как тот любит тисом ягодным. На утряску вопроса ушло три месяца, и все это время Блейк ничего мне не говорил. И вдруг одним октябрьским утром он объявил, что «в знак признательности за мое служение университету и его историческим садам» я получаю месяц оплачиваемого отпуска и могу использовать его в удобном для себя графике на протяжении следующего года.

Эта история попала в газеты. В небольшой статье автор отдавала должное благородству университетского начальства. Поскольку уже пятый год подряд награды за поэтический конкурс уходят мужчинам, писала она, очень радостно осознавать, что хотя бы косвенно признание получила и женщина.

И все это сделал для меня Блейк, человек с грустными глазами и обветренным лицом. Мне в жизни не давали столько дней отпуска.

Сью сказала, что это мой мини-саббатикал²⁸.

Лео сказал, что это может изменить мою жизнь.

Отец спросил, отправлюсь ли я путешествовать. Он все еще пользовался при ходьбе костылем, оберегая едва зажившее бедро.

Перво-наперво я перечитала посты про Эмбер Дуайт. С последнего моего визита на сайт появились новые тексты. Что я сделала во-вторых? Отправилась к тису, прихватив термос и одеяло. Дойдя до места, я подобрала разбросанные красные и синие пластиковые стаканчики (вечером по комнатам пировали старшекурсники, наведываясь друг к другу в гости) и добавила в землю вокруг ствола удобрение. А потом сидела возле тиса и пила кофе.

Мне подарили огромное количество свободного времени, и хотелось использовать его с толком. Очень быстро я сделала для себя три вывода.

1. Мне не требуется одиночество для самопознания, хотя многие целый год ждут отпуска, чтобы продумать перемены в своей жизни. Я порядком устала от этой женщины, носившей мое имя. Мне не хотелось перемещать ее в Италию, устраивать для нее длительные пешие прогулки, карабкаться в горы или разбивать лагерь в лесу.

2. Мне хотелось понять, какова я с другими людьми и почему этот человек, являющийся мной, такой трудный. Я помню, что говорила мама, которая тоже не особо умела дружить: «Если тебе уютно в собственном обществе, ты никогда не будешь одинока». Но была в этих словах некая недосказанность.

3. Поход в книжный давал ответ, что именно следует выбрать для общения с природой (см. пункт 1) или как раствориться в чтении, или оба варианта вместе.

Но появилась и другая идея. Если «дружья – это семья, которую мы выбираем», тут есть повод обеспокоиться – ведь я недостаточно внимательна к друзьям. Такие люди, как Гоулды или Эмбер Дуайт, легко собирают вокруг себя друзей. А другие, пройдя до середины жизненного пути, вдруг оглядываются вокруг – примерно как у себя в комнате, когда начинаешь подумывать, а не поменять ли старый диван на новый. И тут они задаются вопросом: что же мы в итоге имеем? Что за комнату я создал (а) для себя?

Я начала искать примеры для подражания, женские истории, связанные не с развязыванием войн или основанием городов, а скорее с воссоединением друзей и залечиванием семейных ран. Но что бы я ни находила, все время возвращалась к истории про Пенелопу. Пока Одиссей скитался по миру, Пенелопа оставалась дома. Ее история – психологически и эмоционально трудная: она растила сына, отказывала ухажерам. Она никуда не уезжала из Итаки, и ее модель поведения задавала тон в литературе не на одно тысячелетие.

А что, если бы она снялась с места? Вместо того чтобы сидеть наверху в своих хоромах, она могла бы жить у друзей в другом королевстве. Поиск временной замены для собственной семьи требует не меньшей отваги, чем схватка с монстром. Покинув Итаку, Пенелопа создала бы свой собственный эпос о доме, когда пещера циклопа стала бы комнатой для гостей, а Сцилла и Харибда – ее ложем. Где бы ни оказывался Одиссей, претерпевая трудности, он

²⁸ Этимология слова «саббатикал» отсылает к еврейскому слову «шаббат», которое означает священное время, когда нельзя выполнять никакую работу. Понятие саббатикала, или творческого отпуска, можно встретить в глобальных компаниях-лидерах. Смысл в том, что давно работающим в компании сотрудникам разрешается взять перерыв для перезагрузки, сохраняя за ними на это время рабочее место, а иногда и оплачивая этот период частично или полностью.

обращался к принимающей стороне за помощью, чтобы только вернуться домой. Но Пенелопа как гостя воспитанная, обязательно справилась бы у хозяев: Как поживаете? Все ли в порядке в вашем доме? Не ждете ли вы других гостей? И тогда литература пошла бы совсем другим путем.

Я прочитала от корки до корки антологию произведений о дружбе. После чего оказалась уверена лишь в одном: трудно определить, что есть дружба. Эпикур считал, что она нужна для счастья. Аристотель утверждал, что это и есть условие полноценной жизни; по Цицерону, без друзей вообще нет смысла жить, только дружбу следует завязывать медленно и с осторожностью. Монтень полагал, что настоящая дружба случается лишь раз в триста лет, и сам он, конечно же, оказался в числе счастливиц. Оскар Уайлд писал, что если уж друг вонзит в тебя нож, то по крайней мере не в спину, а Синклер Льюис вообще создал целую идеограмму: если влюбленные – это два человека, которые зачарованно смотрят друг на друга, то друзья стоят бок о бок и глядят в общем направлении.

Только сегодня и те, и другие пялятся в собственные телефоны.

Учеными дружба определяется как время плюс интеллект, что наблюдается лишь у немногих видов живого мира: у высших приматов, лошадей, слонов, китообразных и верблюдовых. Для межвидовой дружбы необходимы три критерия: отношения должны продолжаться во времени, в них должны участвовать оба животных, и каждая из сторон должна идти на уступки. Поэтому моя любовь к Хестер, которая вообще не идет ни на какие уступки, не считается. Дружба ли это, когда черепашка играет в мячик с собакой или когда обезьяна обнимает котенка? Конечно, да. В интернете полно таких видео, люди их обожают. Но многие ли из нас могут сказать, что пошли ради друга на уступку, на жертву вопреки собственной природе?

Гуляя недавно по Дак Вудс, я заметила на углу двух беседующих женщин. Они вместе занимались пробежкой, а сейчас отогревались кофе.

Я прошла мимо них и услышала: «Друзей заполучаешь после двадцати или после шестидесяти».

Я оглянулась, как будто выглядывая что-то, мне было интересно посмотреть на реакцию второй собеседницы. Та сидела, опустив голову. Скотт Фицджеральд считал, что дружба крепка, когда тебе тридцать, а Торо²⁹ – когда тебе за сорок. Проснувшись назавтра после своего сорокового дня рождения, Торо вдруг понял, что отныне дружба станет смыслом его жизни. «Иногда, просыпаясь по ночам, я думаю о дружбе и о том, что она дает человеку», – писал он.

Я шла не останавливаясь и, отойдя на некоторое расстояние, изобразила, будто забыла о чем-то, и развернулась в обратную сторону.

Первая женщина сказала: «Я не знаю, что я такого сделала, Бампф, но я скучаю по тебе».

Вряд ли вторую звали Бампф, но я так услышала. Обе собеседницы достойно выглядели для своих лет – им было около пятидесяти, но точно не могу сказать. Я слишком явно замедлила шаг, и Бампф нахмурилась. В итоге я ушла, так что не знаю, чем там у них все закончилось.

Как-то отец сказал мне о дружбе следующее: «Определись, готова ли ты принять плохое вместе с хорошим». Ни тогда, ни теперь этот совет мне никак не помог. Он прозвучал так, как будто решение принимается раз и навсегда, хотя в реальной жизни это происходит постоянно.

²⁹ Генри Дэвид Торо (1817–1862) – американский эссеист, поэт и философ.

Дневная прогулка

Погожим октябрьским днем в субботу я поехала в близлежащий городок, славившийся своей викторианской архитектурой, прудом с утками и детской железной дорогой. Взяв бутерброды, термос, я проехала весь путь за тридцать пять минут вместо обычных пятидесяти. Это был наш семейный маршрут, когда я была ребенком и тоже каталась на этой железной дороге.

Несмотря на прохладную погоду, молодых семей было много, и все толпились возле шести кормушек. Родители брали детей на руки, чтобы те смогли дотянуться до корма для уток, пары лебедей и гусей, которые явно не собирались на юг, так как зимы становились мягче. Сытые птицы кружились в центре пруда, словно обсуждая, как бы им отделаться от надоедливой малышни. Но дети (многие уже за неделю до Хэллоуина наряженные в костюмы) упорно пытались подобраться ближе к воде, чтобы покормить несчастных птиц. Обычно о пернатых заботятся дети и старики, та самая категория людей, которым так важно ощутить возле лица ветерок от круженья крыл. Ну а в среднем возрасте уже хочется камерности.

Зрелище было трогательным, но я не за этим сюда приехала. Выпив немного кофе из термоса, я направилась к железной дороге, детской вотчине, ибо взрослые просто не умещались в вагончиках. Как всегда родители толпились у забора на небольшом вокзальчике, наблюдая, как их чада садятся в поезд и отправляются в путь, совершая несколько кругов по кругу. Одна мамаша пыталась прорваться вместе со своим ребенком, а кондуктор неодобрительно качал головой – мол, не положено.

Раздался паровозный свисток, и поезд тронулся с места. Родители снимали процесс на сотовые, а малыши, по крайней мере большинство из них, смотрели вперед на дорогу, проявляя удивительную стойкость в своем одиноком путешествии. Я оглянулась: на засаженном ясенями и обогретом солнцем холме стояла супружеская пара. Они тоже глядели на поезд, но решительно обособились от остальных родителей. По крайней мне так подумалось. Женщина улыбалась и махала рукой, а мужчина стоял, засунув руки в карманы. Определить, который ребенок их, было невозможно, но я задалась вопросом: разве, отделившись от толпы, эта пара меньше любит свое дитя? Другие родители толкались и работали локтями, чтобы запечатлеть на видео все двенадцать кругов поездки, а эти ничего не снимали, зато имели великолепный обзор.

Я развернула бутерброд. Поезд остановился, и от толпы детей отделилась девочка в белой шапочке с помпоном. Встав на цыпочки, она искала взглядом своих родителей и наконец увидела. Я почувствовала, как у меня сжалось сердце. Поезд уже принял новых пассажиров, снова загудел паровоз, а молодые родители помахали своей дочке, которая, преодолевая сопротивление толпы, взбежала на холм.

Разве эта семья несчастлива? Какие у вас доказательства, что это так? Женщина обняла свою дочь, а отец дал ей что-то вкусненькое. Эта сценка была для меня весьма поучительной. Ведь кто-то воспитывается в понимании, что самые любящие тебя люди всегда сохраняют дистанцию. Любовь всегда стоит в стороне, а ты к ней идешь. Собственно, все это верно, но как раз мне нужно было научиться сокращать эту самую дистанцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.